

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРСПЕКТИВЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА

И. И. ОСВЕТИМСКАЯ*

В статье критически анализируются три проекта, предлагаемых в качестве альтернативы претерпевающему трансформации национальному государству: проект транснациональных государств У. Бека, концепция космополитической демократии Д. Хелда и постнациональная констелляция Ю. Хабермаса. Транснациональные государства, по У. Беку, являются сильными государствами, чья политическая формосозидающая власть вырастает из кооперативных ответов на глобализацию. Национальные государства объединяются в транснациональные в ответ на глобализацию и развивают благодаря этому свой региональный суверенитет и идентичность за пределами национального. В центре космополитической модели Д. Хелда находится индивид, а между индивидами, межгосударственными организациями и неправительственными организациями необходимо наличие прямых отношений. Прерогатива государства действовать во всем мире все больше ставится под вопрос и снизу и сверху в той мере, в какой становится возможным и реализуется развитие глобального гражданского общества. Ю. Хабермас контурно набрасывает изображение многоуровневой системы, которая на супранациональном уровне (в рамках соответствующим образом реформированной ООН) позволяла бы осуществлять декларированные в Уставе ООН цели политики мира и обеспечения прав человека, а на транснациональном уровне (с помощью постоянных конференций и систем переговоров процессов между крупными акторами) — решать проблемы мировой внутренней политики с помощью достижения компромисса интересов между мировыми державами. По мнению автора статьи, в основе рассматриваемых проектов содержится неразрешимый конфликт между нормативным обязательством в эффективной национальной демократии и желанием демократии вне государства. В них

Осветимская Ия Ильинична, аспирантка кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий юрист-консульт Государственного унитарного предприятия «Топливно-энергетический комплекс Санкт-Петербурга»

* Osvetimskaya Iya Ilyinichna — post-graduate student of the department of theory and history of state and law at the law faculty of Saint-Petersburg State University, senior lawyer at the State Unitary Enterprise «Fuel and Energy Complex of St. Petersburg»

© И. И. Осветимская, 2013
E-mail: osv.iya@gmail.com

также кроется потенциал, способный погасить эффективное самоуправление на локальном и национальном уровнях. Представляется, что необходимы не демократические глобальные организации, а мощные и эффективные, которые могут поставить под сомнение укоренившиеся интересы глобального капитала, продвигая общее благосостояние — социальную демократию — на глобальном уровне.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальное государство, транснациональное государство, космополитическая демократия, глобальный порядок.

OSVETIMSKAYA I. I. BASIC MODELS OF THE TRANSFORMATION OF THE NATION STATE IN THE PERSPECTIVE OF ESTABLISHING A GLOBAL ORDER

The paper critically examines three projects which are proposed as an alternative to the transforming nation-state: transnational states of U. Beck, cosmopolitan democracy of D. Held and post-national constellation of J. Habermas. Transnational states, according to U. Beck, are powerful states whose political power grows out of the cooperative responses to globalization. Nation-states are united into transnational state in response to globalization, and their regional sovereignty is developing outside their borders. An individual is at the center of the cosmopolitan project of D. Held. There should be direct relations between individuals, intergovernmental organizations and non-governmental organizations. The prerogative of a state to act in the whole world is more frequently questioned both at the upper and lower level to the extent in which the development of a global civil society is possible and is beginning to be implemented. J. Habermas puts a structure of a multilevel system which would defend human rights at supranational level (within the appropriately reformed UN), and would solve the problems of world domestic policy with the help of a compromise between the interests of world powers — at the transnational level (through ongoing conferences and negotiation processes).

It seems, nevertheless, that the basis for these projects contains an insoluble conflict between the normative commitment to democracy and effective national desire of democracy beyond the state. They also have a potential to cancel an effective self-governance at the local and national levels. It seems, that we do need democratic and global organizations, but rather powerful and effective ones which could challenge vested interests of global capital promoting the general welfare — social democracy — at the global level.

KEYWORDS: nation-state, transnational state, cosmopolitan democracy, global order.

Спектр мнений по поводу будущего государства находится в пределах от утверждения о полном исчезновении национального государства и права при достижении пика глобализации и постепенном формировании на их основе некой планетарной управляющей системы и мирового права до мнения о том, что национальное государство и право сохранятся при любых условиях, хотя и претерпят определенные изменения. Наряду с сохраняющимся миром государств с его традиционными и соответствующими ему принципами и практиками происходит становление другого мира с бесчисленными акторами, стремящимися прежде всего защитить и продвинуть свою автономию. Над традиционными нациями-государствами, по образному выражению немецкого политолога К. Зегберса, надстраиваются некие «транснациональные своды».¹

¹ Цит. по: *Мельвиль А. Ю.* Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // *А. Ю. Мельвиль.* Современные международные отношения и мировая политика: Учебник для вузов / отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2004. С. 106–142.

В данной статье предпринимается попытка критически осмыслить три современных представления об этих «транснациональных сводах», формируемых над национальными государствами: проект транснациональных государств, предлагаемый известным немецким социологом и политическим философом У. Беком, концепция космополитической демократии английского профессора политических наук Д. Хелда и постнациональная констелляция немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА У. БЕКА

Размышляя над судьбой национального государства, У. Бек приходит к выводу, что национальные правительства теряют власть, поскольку самые большие риски возникают благодаря появлению так называемых субполитик, например, политики крупных транснациональных компаний, исследовательских центров и т. д. Именно в субполитических системах воплощаются структуры нового общества, которые игнорируют и парламентские институты, и юридические границы, и правительства. Бек называет этот процесс «распадом политики». В результате возникает ситуация, когда политику уже больше не осуществляет централизованное правительство. Политика становится сферой контроля разнообразных субгрупп, равно как и отдельных индивидов. Бек, таким образом, констатирует кризис национального, некогда суверенного государства и появление на мировой сцене новых деятельных сил, избавивших себя от пут традиционных политических систем.

Общество риска, которое образовалось в процессе глобализации, во многих сферах ослабляет могущество национального государства, понижая его территориальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией социальных зависимостей, рыночных отношений, сеть коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения. Это проявляется во всех важнейших сферах, на которых держится национально-государственный авторитет: в налоговой политике, во внешней политике, в области военной безопасности. Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и де-факто расторгают договор о лояльности с институтами национального государства.²

В таких условиях, по мнению У. Бека, возникает угроза существования мирового общества без всемирного государства и без всемирного правительства. При этом У. Бек считает, что возникает парадоксальная ситуация, которая вплоть до сегодняшнего дня парализует все дискуссии. Гарантия основных прав предполагает, на первый взгляд, наличие национального государства. «Но каким образом тогда можно обосновать и гарантировать космополитическое правоотношение между государствами и гражданами различных стран, релятивирующее само национальное государство как его гаранта, не соблазняясь при этом ложными альтернативами: либо стремиться к мировому государству, либо внедрять основные права в пространстве без прав и государств?» — размышляет У. Бек.

² Слово «транснациональный» означает, что возникают формы жизни и деятельности, внутренняя логика которых объясняется той изобретательностью, с которой люди создают и поддерживают «не признающие расстояний» социальные жизненные миры и взаимосвязи действий (Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филлипова. М., 2001. С. 62).

По мнению ученого, феномен риска, как вызов глобализации, может быть преодолен и более того — процесс преодоления рисков есть движение к космополитизму. Кризис национальных государств отзывается постоянной потребностью решать вопросы не только на национальном, но и на интернациональном уровне, а такая тенденция ведет к согласованию действий одного государства с действиями других. Таким образом, негативные проявления глобализации становятся основой для интенсивного формирования международных отношений, для становления всемирного космополитического общества.

В качестве альтернативы Бек представляет модель транснациональных государств — сильных государств, чья политическая формосозидающая власть вырастает из кооперативных ответов на глобализацию. Свою модель У. Бек строит на следующих двух принципах. Первый принцип заключается в том, что взаимосвязь в рамках мирового общества позволяет если не преодолеть, то все же смягчить или ограничить травму от насилия, свойственную национально-государственному модерну. Второй принцип: общественные формы с «прицелом на мировое общество» становятся возможными путем транснациональной кооперации и создания взаимозависимостей в сферах экономики, политики, обороны, права, культуры и т. д. Эти два вышеуказанных принципа У. Бек раскрывает в следующих частных аспектах.³

Признание мирового общества и его динамики. В транснациональном понимании политики глобализация осмысливается как политизация, т. е. степень произошедшей интеграции мирового общества делается основой переориентации и реорганизации политического пространства. Это означает отречение от двух принципов доктрины национального государства: от отождествления государства с обществом и от положения об исключительной территориальной связи государства и общества.

Транснациональная кооперация. Не существует ответа на глобализацию в рамках индивидуального государства. Одиночная национально-государственная политика становится все более затратной. В то время как индивидуализм на уровне государства разрушает, транснациональная кооперация оживляет государственную политику.

От национально-национального к глобально-локальному. Не противоборство эксклюзивных притязаний на суверенитет и различных национальных идентичностей образует ядро политического, но подключение к взаимосвязи мирового общества, к экономической, экологической, культурной, гражданско-общественной глобальности и глобализации.

Провинции мирового общества. Эксклюзивная противопоставленность друг другу по образцу наций сменяется инклюзивной противопоставленностью как ниш, мест, «провинций» мирового общества. Инклюзивная противопоставленность подразумевает общую отправную точку — мировое общество (признание его) и особое подключение к нему путем подчеркивания, инсценировки, оживления региональных особенностей.

Дефинитивное многообразие. Если мировое общество подразумевает множественность без единичности, а национальное общество — единичность с ограниченной множественностью, то транснациональное государство подразумевает дефинитивную множественность. Это означает, что за рамками глобализации или локализации познаются на опыте и признаются варианты глокальных культур во взаимосвязи, присущей мировому обществу.

³ Бек У. Что такое глобализация? С. 193–197.

Централизация и децентрализация. Транснациональные государства должны мыслиться как сочетание централизации и децентрализации. Многообразии транснациональных акторов не только признается, но они также включаются в сферу политической ответственности. Поэтому образование транснациональных переплетений сопутствует делегированию власти и ответственности местному транснациональному гражданскому обществу.

Инклюзивный суверенитет. Национальные государства утрачивают свой суверенитет (право на установление автономного права) и автономию (право принимать решение о применении средств насилия), а более высокие инстанции соответствующим образом повышают концентрацию власти. Разделение суверенитета тем самым мыслится и реализуется как игра с нулевой суммой, где кто-то должен отречься от чего-то, что дает какие-то полномочия наднациональному институту. Идею транснационального государства, напротив, нужно понимать как игру с прибылью, выигрышем. В результате кооперации возникает прирост суверенитета, который идет на пользу и транснациональному концентрату власти, и включенным в него локальным государствам.

Новое средневековье. В эпоху общества риска осуществляются те формации политического, которые носят средневековые черты. Транснациональные государства должны делить лояльность своих граждан с другими авторитетами на уровне регионов и мирового общества, с одной стороны, и с субгосударственными, субнациональными авторитетами — с другой.

Модель транснациональных государств противоречит, таким образом, всем другим моделям кооперации: транснациональные государства объединяются в ответ на глобализацию и развивают благодаря этому свой региональный суверенитет и идентичность за пределами национального. Они, следовательно, являются кооперативными и индивидуальными государствами, индивидуальными государствами на основе кооперативных государств. Иными словами: межгосударственное объединение открывает постнациональным государствам новые пространства для действий.

Таким образом, транснациональное государство — государство открытое по отношению к миру. Это государство не возникает путем «распада» национального государства и не «приходит ему на смену»; скорее, оно создается посредством глубинной трансформации, через «внутреннюю глобализацию». Юридический, политический и экономический потенциал, существовавший на национальном и местном уровнях, меняет свою конфигурацию и открывается навстречу миру. Это «гермафродитное существо» — государство, являющееся одновременно космополитическим и национальным, — не противопоставляет себя другим нациям. Вместо этого оно разрабатывает сети на основе взаимного признания «дружести» и равенства в различиях, чтобы решать с их помощью транснациональные проблемы. При этом суверенность расширяет сферу своего воздействия, чтобы решать национальные проблемы. Концепция транснациональных государств базируется на принципе национального безразличия к государству. Такой подход открывает новые возможности для мирного сосуществования различных национальных идентичностей на основе соблюдения принципа конституционной толерантности внутри государства и космополитических прав за его пределами.

Концепция У. Бека представляет собой некий необходимый социологический диагноз, проясняющий актуальность проекта космополитической демократии Д. Хелда. То, что обнаруживает У. Бек, использует

для своей концепции космополитической демократии Д. Хелд, а именно противоречие между национальной и глобальной перспективой.⁴ Это противоречие можно выразить в следующих тезисах:

- Транснациональное пространство замещает национальное.
- Социальная жизнь до сих пор формально является национальной.

Это свидетельствует о дисфункции современных институтов. Данную проблему подробно описал М. Кастельс, который основывает свою теорию на дефиците власти в современных национальных институтах.⁵ По его мнению, власть сегодня концентрируется в каждом индивиде отдельно, что позволяет индивиду приобретать ответственность за конструирование собственной идентичности.

Такое противоречие, на наш взгляд, репрезентирует противостояние между национальной и космополитической перспективами. Тот факт, что национальная институционализация происходит до сих пор, указывает нам также и на ее сопротивление космополитическим возможностям. Мы являемся свидетелями не триумфа феномена космополитизации, но его попытки обрести легитимность. Независимость глокальностей, таким образом, должна рассматриваться не как полноценное автономное существование глокальностей, но как попытка преодолеть национальные границы. Однако присутствие национальной институционализации позволяет нам говорить о том, что национальная перспектива отнюдь не бессильна и обладает возможностями поглотить перспективу космополитическую — в некоторых странах сегодня наблюдаются тенденции к исключению «другого» из повседневной жизни. А следовательно, мы не можем заранее указать на фаворита в этом противостоянии.

КОСМОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ Д. ХЕЛДА

Д. Хелд считает важным признать три элемента глобализации: во-первых, тенденции экономической, политической, правовой и военной взаимозависимости, которые изменяют природу, пределы и способности суверенных государств сверху, так же как и их «регуляторная» способность изменяется и понижается в некоторых сферах; во-вторых, способ местных групп, движений и национальных меньшинств предъявлять требования к национальному государству как представительной и ответственной властной системе снизу; и, в-третьих, способ глобальной взаимозависимости создавать цепь взаимосвязанных политических решений и результатов между государствами и их гражданами, изменяя природу и динамику самих национальных политических систем.⁶

В ходе глобализации, пишет Хелд, «возникает сложное распределение условий и сил, которое постоянно ограничивает свободу действий правительств и государств, ставя пределы их собственной внутренней политике, трансформируя условия принятия политических решений, радикально изменяя институциональные и организационные предпосылки и контексты национальной политики; меняются установленные законом рамочные условия административной и политической деятельности, в том смысле, что

⁴ См.: Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VI. № 1. 2003.

⁵ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 497.

⁶ Held D. Democracy: From City-states to a Cosmopolitan Order? // Contemporary Political Philosophy. An Anthology / ed. by R. Goodin and Ph. Pettit. Oxford, 1998. P. 93.

теперь уже едва ли возможны ответственность и вменяемость последствий национально-государственной политики. Любая теория национального суверенитета, которая понимает суверенитет как неустранимую и неделимую форму общественной власти и силы, строится на недооценке сложности ситуации. Суверенитет сегодня следует понимать и изучать как расчлененную власть, расчлененную между целым рядом национальных, региональных и интернациональных акторов и являющуюся — по причине этой имманентной множественности — ограниченной и скванной».⁷

В центре космополитической модели Д. Хелда находится индивид, а между индивидами, межгосударственными организациями и неправительственными организациями (НПО) необходимо наличие прямых отношений. Прерогатива государства действовать во всем мире все больше ставится под вопрос и снизу и сверху в той мере, в какой становится возможным и реализуется развитие глобального гражданского общества.

Д. Хелд видит следующие этапы в достижении межкультурного консенсуса по основным правам в процессе сотрудничества и возникающих при этом взаимозависимостей.⁸ Во-первых, глобальный порядок воплощается в многочисленных взаимоперекрывающихся властных сетях, включающих социальные гарантии благосостояния, культуру, добровольные организации, экономику, межгосударственные взаимозависимости. Пространство возможностей космополитической демократии возникает из сочетания этих разнородных сетей — многомерного баланса власти между государствами, организациями и людьми.

Во-вторых, все группы и организации претендуют на относительную автономию, которая выражается в определенных правах и обязанностях. Это взаимопереплетение дозволенного и запрещенного должно быть приобщено к принципам космополитического демократического права, которые необходимо детализировать применительно к отдельным полям действий — социальных, экономических и политических.

В-третьих, эти правовые принципы легитимируются и гарантируются транснациональными и локально связанными парламентами и судами (по образцу Европейского парламента и Европейского суда), которые следовало бы учредить и в транснациональных пространствах Южной Америки, Азии и Африки.

В-четвертых, национальные государства уступают часть своей власти и суверенитета транснациональным институтам и организациям и развивают новое самопонимание как узловые пункты и координаты транснациональных взаимозависимостей.

В-пятых, индивиды могут приобретать членство в различных национальных и транснациональных властных пространствах и таким образом осуществлять права участия в управлении и самоопределении — от локального до глобального уровней.

Однако модель космополитической демократии вызывает немало критики. Так, например, представителя политического коммуитаризма канадского политолога У. Кимлика не убеждают космополитические предпосылки, составляющие теорию транснациональной демократии. «Демократия, — утверждает У. Кимлика, — должна корениться в общей истории, языке или политической культуре, которые являются существенными особенностями со-

⁷ Цит. по: У. Бек. Что такое глобализация? С. 72–73.

⁸ *Held D. Democracy and the Global Order — From the Modern State to Cosmopolitan Governance. London, 1995. P. 271–283.*

временных территориальных политических сообществ. Все эти особенности более или менее отсутствуют на наднациональном уровне. Несмотря на путь глобализации, связывающей судьбу сообществ воедино, действительность состоит в том, что единственный форум, в котором встречается подлинная демократия, находится в пределах национальных границ. Даже в пределах Европейского Союза транснациональная демократия не больше, чем элитарный феномен. Если нет никакой эффективной морали в сообществе вне государства, то там и не может быть подлинной нации».⁹

Полагаем, что в основе теории космополитической демократии содержится неразрешимый конфликт между нормативным обязательством в эффективной национальной демократии и желанием демократии вне государства. Во многих «зрелых» демократических государствах эта дилемма разрешается при помощи конституционных механизмов, но на международной арене они отсутствуют.

Кроме того, представляется, что транснациональная демократия имеет потенциал, способный погасить эффективное самоуправление на локальном или национальном уровнях. Без эффективных гарантий, которые в отсутствие глобальной конституции не могут быть институционально обоснованы, опасность транснациональной демократии состоит в том, что она восприимчива к побуждениям грубого большинства, которое способно отрицать законные демократические права и желания (национальных) меньшинств.

Как предлагает П. Хирст, и с ним хочется согласиться, необходимы мощные и эффективные, а не демократические, глобальные организации, которые могут поставить под сомнение укоренившиеся интересы глобального капитала, продвигая общее благосостояние — социальную демократию — на глобальном уровне.¹⁰ Основными стратегиями должны являться разрушение глобального управления и передача власти самоуправляющимся, устойчивым местным сообществам.

ПОСТНАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТЕЛЛЯЦИЯ Ю. ХАБЕРМАСА

Ю. Хабермас, рассуждая о том, чего достигло современное государство благодаря своей уникальной сопряженности с гомогенизирующей идеей нации, приходит к выводу, что эта первая современная форма коллективной идентичности (нация) послужила катализатором преобразования раннего современного государства в демократическую республику. Однако в настоящее время национальное государство должно избавиться от того двусмысленного потенциала национализма, который изначально служил двигателем его успеха.

Поначалу более или менее однородная нация способствовала культурному расширению юридически определенной нации граждан. Такая конкстуализация была необходима, если демократическое гражданство тоже, в свою очередь, должно было скрепить социальные связи взаимной ответственности. Однако сегодня мы живем в плюралистических обществах, которые все более отходят от формата национального государства, основанного на большей или меньшей культурной однородности населения. Разнообразие культурных форм жизни, этнических групп, мировоззрений и религий если не колоссально, то, по крайней мере, стремительно возрастает.

⁹ См.: *Kymlicka W. Liberalism, Community, and Culture. Oxford, 1991. P. 156.*

¹⁰ См.: *Hirst P. Between the Local and the Global: Democracy in the Twenty-First Century // Balancing Democracy / R. Axtmann (ed.). London, 2001.*

Глобализация означает разрушение, устранение границ и тем самым представляет опасность для национального государства, которое почти исторически «блюдет» собственные пределы. Ю. Хабермас согласен с Э. Гидденсом, определяющим «глобализацию» как «интенсификацию всемирных отношений, связывающих отдаленные друг от друга места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за многие мили отсюда, и наоборот». Глобальность коммуникаций находит выражение либо в естественном языке (чаще всего при помощи электронных средств массовой информации), либо в особых кодах (помимо прочего, это касается денег и права). Из этого процесса вытекают две противоположные тенденции, поскольку понятие «коммуникация» имеет здесь двойное значение. Она способствует как расширению горизонтов сознания действующих лиц (индивидуальных или коллективных), так и дифференциации и ранжированию систем, сетей (вроде рынков) или организаций. Рост систем и сетей ускоряет приумножение возможных контактов и информации, но сам по себе не способствует расширению общего мира intersубъективных взаимодействий. «Сегодня неясно, сможет ли расширяющееся сознание, зависимое во все более обширном универсуме общих значений от intersубъективностей более высокого порядка, охватывать растущие системы или, напротив, скорее системные процессы, начавшие жить своей собственной жизнью, приведут к раздробленности».¹¹

Поскольку мировое хозяйство в основном развивается вне каких-либо политических рамок, то национальные правительства ограничены в своем влиянии на модернизацию национальных экономик. Вследствие этого им приходится приспосабливать национальные системы социального обеспечения таким образом, чтобы те были готовы к мировой конкуренции. Потому им ничего не остается, как не препятствовать дальнейшему «высыханию» источников социальной солидарности. На таком пути будет проиграно самое главное достижение национального государства — социальная интеграция на основе политического участия граждан.

Однако, по мнению Ю. Хабермаса, «мы должны попытаться спасти республиканское наследие, выйдя за пределы национального государства. Нам следует привести свои способности к политическому действию в соответствие с глобализацией саморегулирующихся систем и сетей».¹²

Ввиду возрастающего плюрализма внутри национальных обществ и глобальных проблем, с которыми национальные правительства сталкиваются во внешней сфере, национальное государство в обозримом будущем уже не сможет обеспечивать надлежащие рамки для поддержания демократического гражданства. «Что здесь в целом кажется необходимым, так это поднятие способностей к политическому действию на более высокий уровень, выходящий за рамки национальных государств».

«Мир, контролируемый национальными государствами, сегодня находится в состоянии перехода к постнациональной констелляции мирового общества. Государства теряют свою автономию в той мере, в какой они вовлекаются в горизонтальные сетевые связи этого глобального общества».¹³

¹¹ Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М., 2002. С. 378.

¹² Там же. С. 379.

¹³ Хабермас Ю. Расколотый Запад / пер. с нем. М., 2008. С. 119.

Национально-государственное устройство демократического процесса Ю. Хабермас анализирует с четырех точек зрения. А именно: современное государство возникло как (1) государство управления и сбора налогов и (2) как наделенное суверенитетом на определенной территории государство, которое (3) может развиваться в рамках национального государства по направлению (4) к демократическому правовому и социальному государству.¹⁴ По отношению к территориальной укорененности национального государства термин «глобализация» вызывает «образ разрывающихся рек, которые размывают дамбы пограничного контроля и могут вызвать обвал национального здания».¹⁵ Почти все европейские нации идут к поликультурным обществам. Разумеется, эта плюрализация жизненных форм происходит не без сбоев. С одной стороны, государство с демократической конституцией в нормативном отношении лучше, нежели другие политические порядки, вооружено для решения интеграционных проблем такого рода; с другой же стороны, эти проблемы фактически бросают вызов национальным государствам классического типа.

Разросшаяся до уровня национальной культуры культура большинства должна выделиться из своего исторически обусловленного сплава с всеобщей политической культурой, если все граждане страны должны иметь возможность идентифицироваться с политической культурой собственной страны в равной степени. По мере успешного осуществления этого процесса отрыва политической культуры от культуры большинства солидарность граждан перестраивается на абстрактной основе «конституционного патриотизма». Если этот процесс потерпит крах, то государственно-правовая структура развалится на отгораживающиеся друг от друга субкультуры.¹⁶

Ю. Хабермас подчеркивает, что интеграционная сила традиционных национальных жизненных форм слабеет, а сравнительно однородный базис гражданской солидарности оказывается поколебленным. Национальному государству с ограниченной свободой действий и с поставленной под сомнение коллективной идентичностью становится все труднее удовлетворять требованиям к своей легитимации.¹⁷ Необходима стратегия, которая парирует бесперспективное приспособление к императивам межтерриториальной конкуренции проектом транснациональной политики вхождения в глобальные сети и их разграничения.¹⁸

Данную стратегию Ю. Хабермас пытается разработать, опираясь на рассуждения И. Канта о «всемирной республике». И. Кант приходит

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ Там же. С. 281.

¹⁶ Хабермас Ю. Политические работы / сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. М., 2005. С. 289–291.

¹⁷ Там же. С. 298.

¹⁸ Аналогичной стратегии следует и Пьер Бурдьё, выдвигая тезис: «Можно бороться с национальным государством и при этом все-таки защищать его “универсальные” задачи, каковые, правда, могут быть выполнены с таким же, если не с большим, успехом и транснациональным государством. Если мы не хотим, чтобы Федеральный Банк с его политической процентных ставок определял, что будет с бюджетами отдельных государств, то разве мы не должны выступить за создание наднационального государства, которое будет до некоторой степени независимым от международных экономических и от национальных политических сил и окажется в состоянии развить социальную сторону европейских политических институтов?» (*Bourdieu P. Der Mythos «Globalisierung» und der europäische Sozialstaat // P. Bourdieu. Gegenfeuer. Konstanz, 1998. 8. 49 f.* Цит. по: Хабермас Ю. Политические работы. С. 358).

к альтернативе всемирной республики, или мирового правительства, путем аналогии, которая подталкивает образование понятий в направлении поспешно конкретизированного определения хорошо обоснованной идеи всемирного гражданского состояния. Состояние анархии в отношениях между суверенными государствами наводит на его сравнение с «естественным состоянием», хорошо знакомым понятием из истории и теории права, состоянием, предшествующим всем формам социализации индивидов. Общий договор указывает на переход к государственно-организованной совместной жизни граждан как на возможный выход из этой мучительной ситуации вечной неуверенности. «Сегодня государства должны снова искать аналогичный выход из столь же невыносимого естественного состояния. Как когда-то индивиды, пожертвовав своей естественной свободой, объединились под давлением необходимости в государственно организованную общность, так и сегодня государства должны, пожертвовав своим суверенитетом, достигнуть состояния “всемирно-гражданской” общности, подчиняющейся единому верховному руководству. И как в первом случае решением проблемы стало государство, так и сейчас государство государств — всемирное государство позволит разрешить новые коллизии».¹⁹

Опираясь на идеи И. Канта, Ю. Хабермас предлагает представить политическое устройство децентрализованного мирового сообщества, исходя из существующих сегодня структур, как многоуровневую систему, которая в целом лишена государственного характера, причем из благих целей. Согласно этому представлению, соответственным образом реформированная всемирная организация, ООН, могла бы на супранациональном уровне выполнять жизненно важные, но строго специфические функции по обеспечению мира и осуществлению прав человека; осуществлять эффективно, неизбирательно, не испытывая при этом необходимости принимать форму мировой республики. На среднем, транснациональном, уровне крупные акторы, способные действовать глобально, могли бы разрабатывать сложные проблемы не только координирующей, но и системообразующей мировой внутренней политики, в особенности проблемы мирового хозяйства и экологии, с помощью постоянных конференций и систем переговорных процессов.

Контурно набросанное Ю. Хабермасом изображение многоуровневой системы, которая на супранациональном уровне позволяла бы осуществлять декларируемые в Уставе ООН цели политики мира и обеспечения прав человека, а на транснациональном уровне — решение проблем мировой внутренней политики с помощью достижения компромисса интересов между укрощенными мировыми державами, представляет собой иллюстрацию понятийной альтернативы идее мировой республики. Идея мировой внутренней политики без мирового правительства, т. е. политики, которая проводится в рамках всемирной организации и может принуждать к миру и соблюдению прав человека, должна стать, по мнению Ю. Хабермаса, примером того, что «мировая республика» или «государство народов» не являются единственными институтами, в которых может воплотиться кантовский проект. Не только конституционное государство, увеличенное до глобальных масштабов, отвечает абстрактным требованиям «всемирного гражданского состояния».²⁰

¹⁹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. — Цит. по: Хабермас Ю. Расколотый Запад. С. 118–119.

²⁰ Хабермас Ю. Расколотый Запад. С. 125–126.

«Слабая», разгосударствленная конституционализация, развертывающаяся в транснациональных рамках, сохраняет признаки легитимации, характерной для государственно централизованных конституционных порядков. Именно в этих рамках организационный компонент конституции гарантирует гражданам равный доступ к решениям правительства, ориентирующим на политическую интеграцию, доступ, который обеспечивается посредством публичных практик, выборности, парламентаризма и других форм участия. Только в условиях демократических конституционных государств существуют организационно-правовые средства, нацеленные на обеспечение равного участия граждан в законодательном процессе. Там, где этого нет, — а этого нет в супранациональных конституциях, — постоянно возникает опасность представить «господствующие» по данному случаю интересы гегемона как всеобщие законы, обладающие всеобщей значимостью.²¹

Критически осмысливая представленные проекты, хочется подчеркнуть, что, как верно отмечает А. Ю. Мельвиль, нужно отдавать себе отчет и в том, что транснационализация мировой политики отнюдь не обязательно ведет к «лучшему из миров». Это действительно мощная, влиятельная и перспективная, но все же только одна из глобальных тенденций современного развития. Ей, в частности, фактически противостоят (а то и противодействуют) как традиционные государственно-центристские силы (ведь именно они на сегодняшний день составляют несущий каркас международной системы), так и разнообразные контртенденции в виде обратной реакции на глобализацию и транснационализацию. Сверх того, с последней соперничают и мощные силы предшествующих (государственно-центристских) традиций, и порождаемое ею интенсивное «самоотрицание».²² При этом во все больших масштабах возникают и множатся разнообразные противофазы глобализации и транснационализации. Происходящему под влиянием глобализации «сжатию» современного мира, становлению и упорядочению транснациональных политических, экономических, культурных и иных пространств противостоят мощные центробежные силы и тенденции, ведущие, в числе прочего, к усилению неуправляемости мировых порядков.

Интеграционные импульсы мирового развития соседствуют с фрагментационными и дезинтеграционными. Более того, если глобализация создает источники властного авторитета на уровнях выше нации-государства, то ее неизменные спутницы — локализация и фрагментация — множат центры эффективных властных решений на уровнях ниже нации-государства, тем самым открывая для политических практик и анализа не только новые транснациональные, но и субнациональные пространства.

Космополитической тенденции противостоят прежде всего традиционные (государственно-центристские) силы и тенденции — международная система наций-государств никуда не исчезает; борьба за суверенитет и самоопределение не только сохраняется, но, судя по многим признакам, набирает силу; национализм и фундаментализм идут на подъем. Наряду с этим, в специфической противофазе по отношению к транснационализации находятся и ею же порожденные новые силы и тенденции некоего «транснационального самоотрицания» — рост неравенства, социально-

²¹ Там же. С. 131–132.

²² См.: Мельвиль А. Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации. С. 107.

экономические, технологические, информационные, культурно-цивилизационные и иные расколы современного мира, его фрагментация и дезинтеграция, подъем насилия, возрождение старых и появление не виданных ранее осей напряженности и конфликтов.

Как справедливо утверждает Р. Даль: «Так же как появление наций-государств уменьшило возможности местных жителей реализовать контроль над своими проблемами через местные органы власти, так и расширение сферы наднациональной деятельности уменьшает возможности граждан государства контролировать жизненно важные свои проблемы через национальные средства правления».²³

²³ Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003. С. 484–485.